

М. Н. Макаров

ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦЕВ
ОТ МОСКВЫ ДО РОСТОВА
И ОБРАТНО В МОСКВУ

Выдержки

Москва 2004

ББК 63.3(2Рос-4Яр)47
М 15

Издание подготовлено ПККИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

В основе переиздания — книга,
изданная М. Н. Макаровым в Москве, Университетская типография, 1830.

Макаров М. Н.
М 15 Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву: Выдержки / М. Н. Макаров. — М.: MelanarE, 2004. — 17 с.

Аннотации нету. Некому писать аннотации.

ББК 63.3(2Рос-4Яр)47

© Михаил Николаевич Макаров, 1830.
© MelanarE, 2004.

От редакции

Автор «Журнала пешеходцев», скрывшийся под псевдонимом «Зл.б.дский», Михаил Николаевич Макаров (1786—1847), происходил из старинного дворянского рода. Уроженец Рязанской губернии, воспитанник Московского университета. Писатель, но его произведения не имели до сих пор и не имеют ценности, как и его литературно-исторические статьи. Сотрудничал в «Дамском журнале» князя Шаликова, был одним из редакторов «Журнала для милых» (который выходил в Москве в 1804 году). Владельцы с. Глебовского, Переславского уезда, Макаровы — дальние родственники М. Н.

Макаров много занимался этнографией, собирал поговорки, предания и прочее, но и эти работы не имеют ценности. Статью о Макарове с перечнем его работ смотри в словаре Брокгауза и Ефрона, том 35.

«Журнал пешеходцев» печатался в «Дамском журнале, издаваемом князем Шаликовым» за 1826 и 1827 годы. Этот журнал хранится во Всесоюзной Библиотеке имени В. И. Ленина в одном экземпляре, под шифром хранения Е 21/32.

В 1830 году тот же текст, с незначительными разночтениями и добавлениями, переиздан: Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву / Издал М. Н. М.кар.в. — М.: Университетская типография, 1830. В книге 226 страниц, к Переславлю и уезду относятся страницы 110—171 и 212—216.

Мы приводим отрывки из «Журнала пешеходцев», говорящие о Переславском уезде. Сообщая читателям разные исторические сведения, автор часто ошибался, но в некоторых местах его описания не потеряли интереса и поныне.

Добавления против «Дамского журнала» отмечены словом *Книга*.

Журнал пешеходцев

Часть 17 (№ 5, с. 251—254)

Деревня *Новое* или *Новосёлка* принадлежит князю *В. А. Голицыну*. Не доходя ещё до деревни, в левой стороне, на возвышенности вы видите его усадьбу, прекрасно устроенную, известную под именем села Владимиро-славля; далее за ним, между чащами прежде непроходимого леса, инде только пересекаемого озёрами или прилежащими к ним трясины, усеянным мелким кустарником, наконец, извиристою Куброю, — далее, говорю, вся эта сторона от времён непамятных носит название *Кийжилы*, или *Кижилы*.¹ Почему так и отчего так, не знаю. Первые её поселенцы никому не памяты; но последние были, большей частью, разные придворные служители, получившие заслугами право на дворянство.

«А что если имя Кий значило ни что иное, как только должность проводника или перевозчика, по уверению некоторых, — сказал мне С—в, — то мудрено ли, что и эта сторона, на что-нибудь надобная, быв непроходимую, долженствовала иметь своих проводников, или перевозчиков, которые в то время носили, как и Киевский Кий, имя Кия. Следовательно, эту сторону можно и весьма справедливо назвать *жилом Киев*, которое в течение времени изменилось на *Кия-жило*; ибо вероятно, эти Кии, промышляя по-своему, не могли избрать для себя и лучшего места, как сии леса, всегда дремучие, всегда непроходимые?»

«Ругатель!» — сказал я ему.

«По этой Кийжиле, — продолжал он, — многое замечательно: так около речки Парши есть городок на Парше, другой близ бывшей пустыньки Тихвинской, во владениях помещика Редрикова. Этот ещё любопытнее первого: красота места его очаровательна! У самой пустыньки, в день Тихвинской божьей матери, бывает небольшая ярмарка. Далее, в краю лесов, найдёшь озеро Берендеево, и там услышишь предание, что тут существовал некогда город Берендеев,² услышишь множество такого, о чём историку, знающему наизусть наши летописи, но не сходившему, так сказать, с места и в голову не приходило.³ Пусть проедутся и узнают больше. Сам предприимчивый Ходаковский худо знал о многих городах и городищах. Ну, например, как в эти леса заползти туркам (Берендеям)? Их здесь вовсе не было; но зачем же сохранилось их имя здесь? Полно, Берендеи Турки ли были? Не другое ли что-нибудь?»⁴

«Перестань, пожалуйста, — сказал я моему историческому догадчику, — перестань! Выкличка твоя может тронуть наших исторических критиков и тогда последняя беда горше первой: хватятся за Нестора, за византийцев и пойдёт всё вверх дном!.. Посмотри лучше, какая хорошенькая девушка!»

Крестьяночка в самом деле была хорошенькая: роза без претензий. Она шла с полным ведром чистой ключевой воды и подходила уже к своему двору. Вошедши на кругую Новосельскую гору, мы чувствовали и усталость и жажду, а потому и вода могла быть нектаром.

¹Уж не Княжилы ли по принадлежности своей дому княжескому?..

²Карамзин описывает, что Берендеи, выгнанные Владимиром из России, а потом утеснённые и разбитые половцами, искали убежища в окрестностях Переславля (Ист. Гос. Рос. т. 2). Итак, здешние Берендеи, по обыкновению, не снимок ли с южных? — *Книга, сноска*.

³Например, некоторые из окрестных жителей свидетельствуют, что в Берендеево недавно ещё существовала *каменная баба* — идол искусной выделки. Жители его сбили с места и теперь он затянут илом; всё это ещё вам укажут. — *Книга, сноска*.

⁴Не другой ли это народ, самобытной, забытый? — *Книга, разночтение*.

«Милая! — сказал я крестьянке. — Удели нам водицы».

«Охотно, господа! И вода моя стоит того, чтобы её пить таким молодчикам, как ваша милость: она из *царского* колодца».

«Из царского?» — спросил я с любопытством, но сперва напившись воды.

«Да, да, боярин, из царского, — подхватил седенький служивый, стоявший подле нас, — блаженной памяти матушка царица Екатерина Алексеевна здесь в проезд свой изволила кушать воду из нашего колодца и эта святая водица ей так понравилась, что она приказала нашей водицы запасти для себя и в Ростов. Там воды и много, но такой вкусной и лёгкой, как наша, нет! Вот с той-то поры и родник Новосельский прозван Царским колодцем».

«Дай же нам ещё твоей водицы, красавица! — воскликнул С—в. — И мы ею запасёмся: она понравилась Екатерине, и потому должна быть для нас и целебно и святою!»

Старик слышал наши слова, видел наше благоговение — и слёзы навернулись у него на глазах; он перекрестился, отпил воды из полного ведра и с чувством произнёс: «И я начинал служить Екатерине!»

Часть 18 (№ 8, с. 79—89)

Из Нового мы скоро прибыли на берега Кубри, в Слободку, принадлежащую доброму помещику, графу Д. И. Хвостову, поэту трудолюбивому. Граф Хвостов написал очень много стихов и много хороших; некоторые из его басен, а в особенности стихотворение «Гробница Карiona», будут жить долго. Верный перевод Расиновой «Андромахи» и Буаловой «Пиитики» также труды графа Хвостова, и труды почтенные. Любовь к своему родному краю, к своей Кубре, орошающей поля и луга его, неоднократно внушала помещику-поэту жар воспевать её. 1824 года в ноябре месяце Кубра разливалась и он говорит к ней:

Вещаю речке позабытой,
Красе лугов, полей и рощ:
Кубра! быть хочешь знаменитой?
Свою познай ты прежде мощь
И малое в избытках средство.
Поэта потопля наследство,
и проч.

Сии стихи памяты друзьям его. Далее, в послании к М. П. Охлестышевой, он опять поёт Кубру и опять говорит:

Мой жребий зависти достоин!..
Признаюсь, весел и спокоен;
Я щастьем на Кубре дышу;
Под сенью мира и свободы
Пью в сладость ключевые воды,
и проч.

«А далее? — воскликнул мой С—в. — Но дорожным не до поэзии, — продолжал он, — завтрак, постель, сон — вот и всё тут! Граф Хвостов добрый, благородный человек; он любит Кубру, но в прямом смысле эта любовь относится к родине, к друзьям соседям, которые всегда ждут его как благодетеля-друга. Чего же более? Такое достоинство есть не у всякого поэта, особенно у новейших: кабала, партия...»

«Да, да! — подхватил я, видя, что С—в готов расплаться. — Стихотворцев гораздо более в свете, нежели добрых людей».

Отдохнув немного, мы вошли в церковь, сооружённую помещиком. Храм Казанской божьей матери расположен на площадке, составляющей самую вершину горы Яхромской, то есть той, на которой поселена Слободка: она видна издалека. Яхромскую гору орошают реки Кубра и Яхрома.

«Ведь эта та самая речка, — сказал С—в, — о которой некогда писали сказочку: посмотри, князь, *вот и я хрома!* Она, как мне кажется, была напечатана в одной из книжек «Вестника Европы» прошлых годов».

«Не помню, может быть, — отвечал я, — а замечаешь ли ты вкус и великолепие иконостаса, богатство утвари, богатство престола, окованного серебром?»

«Вижу и знаю всё, — сказал он, — но дивлюсь более искусству живописи, большей частью принадлежащей кисти Переславского купца, художника-самоучки, Василия Понизовкина. Русские славятся учениками природы; начиная от механика Кулибина до журналиста Полевого, сколько насчитаешь их?»

«Дело не в том, — возразил я. — Представляю их всех наблюдателям чудес отечественных; посмотри на это евангелие — оно драгоценно; посмотри на образ св. Александра Невского — он осыпан алмазами, и сии алмазы принадлежат Суворову!»

«Как Суворову?»

«Помещик слободки ближайший родственник Генералиссима; сии алмазы жалованы покойному Александру Васильевичу вместе с орденом Александра Невского и от имени его же Суворова посвящены благоговейно сему храму божию».¹

С—в молился перед образом.

«Мой отец, — наконец сказал он, — мой отец служил у Суворова; память о Суворове везде столько же необыкновенна, как был он и сам».

С не меньшим любопытством мы рассматривали серебряные сосуды, принесённые в дар Казанскому храму покойным митрополитом Платоном; видели кокосовую чашу с резным изображением императрицы Елизаветы Петровны, всё богатство и великолепие ризницы и напоследок в нижнем храме образа: святителя Дмитрия Ростовского, снятый с подлинного его портрета; св. Николая чудотворца и Фёдоровской божьей матери, из которых первый украшен драгоценным изумрудом. На колокольне поставлены часы, также работы Понизовкина. Сверх того при храме находится и библиотека избранных священных книг.

«Такая библиотека, — сказал С—в, — должна находиться при каждом сельском храме. Не всякий из прихожан может иметь книги, важные для нравственности, следовательно, и не дешёвые; но церковь, мать наша, доставляла бы всем окружающим и сии книги. Какой лёгкий способ к образованию среди простых, всегда готовых на беседу благочестивую! Какой удобный случай и для самого пастыря церкви утешать паству свою книгами святыми, избранными! Какая новая быстрота в ходе самого просвещения нашего!»

Вышедши из церкви, мы переехали на остров пруда, где в бытность здесь помещика между цветами всегда развевался красивый разноцветный флаг. Возвратившись с острова, просили дозволения войти в дом хозяина и были там. Старинное жилище Хвостовых и в вещах и в картинах украшено сущою стариною: мы видели здесь портреты всех знаменитых людей; мало лиц новых, все веков минувших. Между эстампами нам понравились изображения Гераклита и Демокрита — прекрасная работа; лица только что не говорят, и в особенности Демокрит: глядя на него, невольно и сам начинаешь смеяться.

За домом местоположение к Кубре прелестно: сама природа устроила здесь неподражаемые сады Английские; недостаёт только рук, чтобы поддержать их.

Близко от Слободки живал поэт Волков, певец «Освобождённой Москвы», сын известного своей учёностью Абрама Степановича Волкова.

Сейчас мы вошли в село Глебовское, принадлежащее помещикам Макаровым.

«Знаешь ли ты историю этой фамилии?» — спросил у меня товарищ.

«Нет!» — отвечал я.

«Это анекдот из жизни Великого Петра, — продолжал мой знаток всего на свете (как я назвал его). — Проезжая Арзамас, государь изволил слушать литургию в тамошней соборной церкви. Чиновники и городские жители, ведая любовь государя к ладному церковному пению, изготовили на клиросе лучшие голоса, какие только могли приискаться в то время

¹Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1836) был женат на племяннице А. В. Суворова, имел чин подполковника и состоял при великом полководце. По-видимому, участвовал в Итальянской кампании, так как в 1799 году получил от Сардинского короля графский титул, не признанный, однако, Павлом I. Только в 1802 году Александр I «в ознаменование заслуг графа Итальянского, генералиссимуса А. В. Суворова» утвердил и за Д. И. Хвостовым графское достоинство. С ним род Хвостовых прекратился, так как Д. И. был бездетен. — *Ред.*

из грамотеев округа арзамасского. Сии грамотеи были из духовенства, дворян, приказных служителей, частью купечества. Государю весьма понравились арзамасские певчие. Он по своём возвращении в Петербург, как сказывают, нарочно посылал в Арзамас денщика своего солдата Макара, за лучшими голосами. Этот самый Макар привёз в Петербург трёх или четырёх певчих и с того времени, когда нужно было при дворе пощеголять певчими, Государь изволил говорить: «Давайте сюда Макаровых». Изо всех сих артистов тогдашнего времени более образован был Алексей Васильевич, дворянин Нижегородский. Он потом был кабинет-секретарём государевым; а Козма Васильевич, сын дворянина Василия Пронского, переселенца из города Пронска, находился при Петре же собственным секретарём комнатным; а в царствование императрицы Анны Иоанновны обер-кригс и статс-комиссаром бригадирского ранга».

«Так! Мой С—в знает всё на свете!» — сказал я, улыбнувшись.

«Да, — ответил он, — рывшись по страсти моего отца к архивам около 15 лет в разных делах архивных; но сверх того и сам, находя какое-то удовольствие к старине, я любил докапываться о многом. Знаю даже и то, что один из здешних старых хозяев любил театр и сам писывал старинные водевили, и его «Деревенский колдун» с «Парадным барским кучером» любу распевали песенку:

Добрый кучер, не шатайся,
Сидя с бичиком своим,
и проч.

Эта песенка очень много забавляла соседей. Да и теперь ещё видно, что прежде здесь заботились о вкусе и удовольствиях. Посмотри: здесь, кажется, были светлые пруды, богатый и гульбищем и плодами сад, а также зверинец... Но перекрестимся на церковь! — воскликнул С—в, — и — оставим Глебовское; хорошо, если бы сегодня добрести нам до Переславля; мы идём очень медленно!»

Вдали мелькнуло славное озеро Плещеево и скрылось: ещё раз мелькнуло, и опять его не видим; дорога становится несколько поровнее, леса остаются поодаль. В левой стороне, за Кийжилою, мы старались усмотреть Заболотье, усмотреть место городка Берендеева и городца Вертяжина; но даль туманная поставляла нам преграды.¹ Впрочем, и ближе виды прекрасны!

«Историк! — сказал я С—ву, — а это что за деревня?»

«Щелканка, — отвечал он, — она точно деревня историческая. Если припомним татар и полководца их Щелкана, то согласишься, что он здесь, может быть, на этом самом месте выжидал дани от осаждённых им жителей Переславля, в свою очередь также большею частью засевавших на лодки и выбравшихся, как они и всегда дельвали при осаде неприятельской, на самую середину озера Плещеева. А вот этот домик принадлежит тому самому Барыкову, который в 1812 году, при начале войны Отечественной, позабыл лета и слабость здоровья пошёл в команду к сыну своему подполковнику с тем только, чтобы иметь честь, как говорил он, сразиться с врагом общего спокойствия».

«Он был прапорщик, я помню; об нём писали в „Сыне отечества“».

«Точно так».

«А вот другой домик — Каблукова, охотника хлопотать по приказам».

«Честь и хвала ему! — прервал С—в, — но я прошу тебя о делах и особенно тяжбных не распространяться: у меня есть и были свои дела...»

Подходя к Переславлю-Залесскому, и вправо и влево видишь несколько часовен: это древние памятники пламенной набожности царей Московских и великих князей Переславля-Залесского. У каждой из них, при походе на врага и при возвращении с побед,

¹Явные ошибки. Берендеев городок мог быть только с правой стороны, и видеть его, конечно, невозможно, так как до него слишком далеко. Заболотье же намного южнее Глебовского. — *Ред.*

древние Полководцы наши, встречаемые синклитом благочестивых служителей Олтаря, певали: «Тебе бога хвалим»; или смиренно просили, при неожиданном нашествии врагов грозных, о спасении в бедах в напастях. Итак, каждая из сих часовен есть памятник побед и благочестия!

С большим вниманием смотрели мы на Переславль-Залесский, на важный, любопытный, достопримечательный и по святине, в нём опочивающей, и по глубокой древности, резко запечатлевшей этот город.

Чем ближе к Переславлю, тем озеро кажется выше него, а с тем вместе и все окрестности являются прелестнейшими; это ландшафт для кисти художника. На горе за Переславлем, по тракту Ростовскому, всё увенчивают возвышенные церкви и колокольня монастыря Никитского;¹ ближе к нам монастыри Горицкий и Данилов.

«Знаешь ли что? — сказал мне С—в. — Пророчество утверждало некогда, что Клешино (Переславское озеро) должно будет прорваться и стремлением своим разрушить весь город. Так мне сказывали старожилы».

«Верно, мой друг! — отвечал я. — Но Клешино озеро всё ещё на одном месте. Предание твоё не сходно ли с надписью монастыря Савинского. Там говаривали, что когда прочтут её, тогда будет света представление; но надпись едва ли уже не прочитана, а мы ещё всё живём, по благодати божеской».

Перед самым Переславлем мы остановились и глаза наши искали *Веськова* — колыбели Российского флота.

«Мы там будем, — сказал я, и низко, низко поклонимся прародителю наших флотов, — облобызаем все следы Петра несравненного...»

«В душе правнука своего ещё между нами живого!» — домолвил С—в.

Часть 19 (№ 13, с. 11—18)

Одно воззрение на Переславль-Залесский исполнит душу самого хладнокровного путешественника восхитительным чувствованием: с высокой крутизны он видит пред собой далёкий, открытый небосклон. С левой стороны представляются взорам его холмистые берега величавого озера Плещеева² с зелёными рощами, полями, со множеством сёл и деревень; синие дремучие леса ограничивают горизонт; с правой — видна обширная долина, по которой извивается Трубеж среди пестреющих лугов и селений; прямо — лежит город, большая громада строений, амфитеатром расположенная, в лощине, по реке Трубежу и берегам озера Плещеева, под сенью древних густых ив; монастыри Горицкий,³ Даниловский и, в противоположной стороне, Никитский, на горах поставленные — и как бы сливающиеся со многими церквями, находящимися в городе — сии живописные окрестности, обнимающие озеро Плещеево и Переславль-Залесский, в совокупности составляют картину разнообразную величественную и очаровательную...⁴

«Эта прекрасная страна есть отчина Благоверного князя Александра Невского; здесь колыбель Российского флота!»⁵ — воскликнул С—в.

«Как часто муза поэзии, — прибавил я, — посещала сии священные холмы, или покоилась в тени сих задумчивых ив на берегу озера».⁶

¹Колокольня, украшающая собой древний монастырь Никитский, сооружена особенным попечением и ревностью нынешнего настоятеля монастыря архимандрита Лаврентия. Сей почтенный старец, трудами, постом, молитвами сохранивший здравие души и тела в самых преклонных летах, по всей справедливости присваивает себе следующие известные два стиха:

Познавши с юных лет тщету и скоротечность,
Сей инок житие пустынное избрал.

²Озеро имеет в длину 12 вёрст, а в ширину 10; оно чисто и прозрачно.

³Ныне Градской собор.

⁴Почтеннейший Историограф Российский, по свидетельству гр. Д. И. Хвостова, соглашался, что очаровательные окрестности Переславля-Залесского можно назвать Русскою Швейцариею.

⁵На расстоянии 30-ти вёрст от вод озера Плещеева, где родился Российский флот, покоится прах знаменитого Адмирала, одного из славнейших героев Чесменской битвы, Григория Андреевича Спиридова.

⁶Кн. И. М. Долгорукий, гр. Хвостов и другие описывали в стихах достопримечательности Переславля и прелестные окрестности его.

Таким образом, предаваясь многообразным чувствованиям и мыслям, которые возбуждала в нас занимательная страна Переславля-Залесского, неприметно приближались мы к шлагбауму сего города.

«Граф Хвостов, ревностнейший описатель знаменитости Переславля-Залесского, — продолжал я, — никак не сомневался в глубокой древности начала сего города и приводит себе в подкрепление не только Нестора, но даже Иордана... В исчислении первобытных Переславльских жителей, кажется, он первый намекнул о Берендеях и в письме своём к Преосвященному Евгению утвердил это местным свидетельством».¹

«В чём и мы согласны, — присовокупил С—в, — но многие и живому и видимому не дадут веры».

«Истинно так, — сказал я, — ибо если Меря точно жила по Клещину озеру, если она точно думала о каких-либо крепостцах: то не мудрено, ежели и мы скажем, что все наши Переславцы явились на свет весьма задолго до Рюрика: ведь они у кого-нибудь переяли же славу? Дело только в том, что один Переславль был другого старее, что в последствии времени копия снималась с копии. По утеснительному ходу Славян от юга можно положить Переславлем-подлинником — Переяславль Малороссийский, за ним поздравить с рождением Рязанский и потом уже найти ближайший к северу — Переславль-Залесский.

«Ты почти прав, мой друг! — ответил почти восторженный С—в, — но в этом и подобных заключениях должно бы ещё поискать и других примет, верных исторических показаний, объяснений; например: сравнений в положении местном, в самих названиях мест, или урочищ; рассмотреть хорошенько, что есть в той или другой стороне похоже одно с другим и чего где недостаёт против подобного и проч.»

«Правда, — сказал я, — ваши исторические географы, сами по себе, без *старокнижного*, не сделали ещё ни шагу, у них Византия, да и только»...

«Переславль-Залесский, — говорят предшествовавшие нам историки-путешественники, — был известен ещё при Олеге».

«Полно, полно! Это уж ни на что не похоже!» — воскликнул я.

«Да, да! — продолжал С—в. — И я почти то же думаю. Но слова, приводимые некоторыми историками, например, что Меря Ростовская жила по Клещину озеру; что здешний соборный храм Преображения Господня построен великим князем Юрием, сыном Владимира Мономаха; что Переславль, как княжение, был уже известен с 1174 года, и прочие ругаются за все истины глубочайшей древности Переславля-Залесского».

«Собор отперт — сказал я, — войдём в него, помолимся и насладимся вполне всеми воспоминаниями о летах вечных!»

Мы вошли в собор. Святая древность! Три гробницы владетельных князей Переславльских постановлены внутри собора.

«Как имена их?» — спросил я С—ва.

¹Относя начало Переславля-Залесского к неисповедимой древности (так замечает гр. Хвостов), ссылаюсь на древнее Переславльское городище, находящееся от нынешнего города не более как в 10 верстах (именно от Данилова монастыря) при озере Берендееве. Место древнего посада сего города теперь принадлежит помещику Макарову; оно жаловано в род сей фамилии императором Петром Великим. Лет за двадцать пред сим, помещик и другие старики жители находили ещё остатки частью мусорной, каменной и деревянной мостовых внутри городища Берендеева. Сего 1827 года другой сосед к Берендееву же, некто Переславльский помещик А. А. Селиванов объясняет о Берендееве (от 7 октября 1826 года) графу Хвостову следующее: «Позднее время осени не допустило меня вполне решить все розыски мои о бывшем городе Берендееве, кажется уже совершенно стёртым с лица земли; но со всем тем в сказанный день (7 октября) я был на Берендееве городце и при обозрении моём нашёл сие место довольно возвышенным, занимающим немалое пространство, поросшее лесом. На сём городище с прикосновенных к Берендееву болоту сторон явно заметно существование высокого вала, который я приказал несколько разрыть, и при подошве оного оказалось множество камней разных родов, состоящее большей частью из железистого плитняка черноватого цвета и из пород кремнистых, известковых и дресвяных; в середине того городища имеется площадка, на коей видно несколько малых возвышенностей и ям. Следов деревянной мостовой, засвидетельствованных г-м Макаровым (Николаем Петровичем), я ещё не отыскал» и проч. Имя Берендеева, его следы, доказательство его обитаемости, его место — всё не там, где бы по книжным мыслям должно быть, и наконец может произойти перемена в самой мысли, что такое Берендеи? Какая горькая пилюля для книжников кабинетных!

«Не знаю, — ответил он, — но знаю только, что слишком десять князей господствовали над Переславлем: Ярополк, Всеволод, сын Долгорукого, Михаил, Владимир, Всеволод II-й, Святослав, Александр Невский, Дмитрий, племянник Невского, Фёдор, Иоанн!»

«Какая память!»

«Донской, победитель Мамая, уничтожил Переславль-Залесское княжество. После этого начали управлять Переславлем Тиуны или Наместники; из сих последних нам должен быть весьма памятен Иван Иванович Чемоданов: он в 1656 году при царе Алексее Михайловиче ездил послом в Венецию и видел обручение Дожа с морем».

«Знаю, это было в тот же самый год, когда и сам наш добрый и мудрый царь Алексей Михайлович был избран королём Польским и князем Литовским».

«Да! и когда безвременная война со шведами не помешала нам во многом».¹

Мы вышли из собора.

«Поищем того ресторатора-крестьянина, — сказал я, — которого здесь нашёл когда-то, кажется, издатель „Отечественных записок“».

«Помню, — ответил С—в, — он был крестьянин графа Хвостова; но мне сказали уже, что там нет места: город наполнен богомольцами».

«Итак, окончим нашу историю какой-нибудь квартирой, жестокой давкой и чрезмерной усталостью».

«Это вставка, видимая вставка! — воскликнул мечтательный С—в. — Мысли твои хотели нарисовать что то другое — и кончили вставкой».

Я не возражал ему.

Часть 19, продолжение (№ 14, с. 56—65)

«Ищу следов Донского, ищу следов Евдокии!» — сказал мне ревностно допивающий чашку своего утреннего чая мой вечно размышляющий С—в.

«Здесь на квартире? — спросил я. — Это трудненько! Встань, оденься, помолись богу, поброди ещё по городу, да и в даль туманную!..»

«Хорошо! — отвечал он. — Но ведь можно путешествовать и не сходя с места. Большая часть путешествий, верно, дописываются путешественниками по возвращении домой, сидя на своём родном стуле, у путешественника неподвижного всё лучше обдумается, скорее сладится, ловчее склеется».

Здесь С—в посмотрел на часы и замолчал.²

«На этом озере, — сказал С—в, подошедши к водам Клещина, — на этом озере родился наш Флот. Ботик, отец нынешних слишком 4 000³ военных судов, теперь там, в Велькове; он жив ещё!»

«Ты очень любишь повторения, — сказал я С—ву. — Всегда одно и то же; сколько раз ты говорил о Ботике!»

«Он творение рук Петровых; а о Петре великом какой язык говорить устанет?»

В 1228 году, после междоусобий, когда Переславль, вследствие оных, был взят и разграблен Монголами, тут, как мы говорили с тобой, на середине этого самого озера, чистого, прозрачного, укрываясь в ладьях, жители тогда ещё в первый раз решились спасти себя от жестокого и постыдного плена Татарского!.. Разорители Переславля-Залесского, — продолжал С—в, — были Монголы!»

¹О, тогда русские дипломаты работали мастерски, как вдруг безвременная война со шведом помешала им во многом и уничтожила все наши замыслы на благое. Шведские дипломаты стали гораздо мастеровитее наших русских дипломатов и поэтому царь Алексей не венчан короною Литвы и поляков. — *Книга, разночтение.*

²Следует несколько сторонних размышлений, которые выпущены самим автором; но, может быть, напечатаны в при другом издании сих записок.

³4 348 судов, по статистической таблице Европейских государств 1827 года, приложение к апрельской книжке «Исторического, Статистического и Географического журнала», издаваемого профессором Гавриловым в Москве, на 1827 год.

«Позволь мне остановить тебя! — прервал я. — Монголы могли быть древними врагами нашей Руси, а с тем же вместе и врагами Славян. Может быть, там, за горами, за долами, в Индийском или Санскритском государстве, Русь ещё живучи с ними по соседству могла им надоесть горько; то не за тем ли и сюда они, Монголы, спустя уже многие после того века и закалившись древней враждой, пришли отмщать нам, русским? Южные азиаты мстительны: они гораздо ближе к солнцу».

«Не знаю, не знаю! — вскричал С—в. — Но знаю и ведаю, что после Монголов явился здесь свой опустошитель — князь Фёдор Ростиславович, мстительный, присяжный враг великого князя Андрея Новгородского.¹ Переславль-Залесский страдал опять! Этого мало: в 1372 году, весьма занимательный историй своей жизни, но государь излишне честолюбивый, жадный к распространению своих владений, Михаил Тверской, неблагородно показал путь Кестурию, князю литовскому и сыну Ольгердову, князю Андрею Полоцкому, разорить и разграбить Переславль до основания. Потом опять Монголы и опять Монголы».

«Не читай далее, — сказал я, улыбнувшись своему товарищу, — оставь что-нибудь и мне. Вот здесь, в этой слободе, по навету епископа Андрея, судили ложно обвинённого святого митрополита Петра; но праведник оправдался и отомстил клеветнику... прощением. Свят, свят, свят, Господь бог Саваоф! воскликнули тогда свидетели этого суда, и колокола церковей Переславльских, в знак победы, одержанной невинным, если верить преданию, торжественно зазвонили сами собою! Здесь во времена святителя Алексея, бывшего тогда в Царь-граде, волынский епископ Афанасий посвятил в чин ангелов св. Сергия, сподвижника в деле Донского. Тут же и сам Дмитрий был порадован рождением сына Георгия, и св. Сергий крестил новорождённого. Тогда святая прекрасная Евдокия жила в Переславле. В самых сих местах народ радовался и любовался красотой жены, которой впоследствии стал молиться! Здесь, хранящаяся теперь в императорской библиотеке, любопытная древностью книга *Ефрем Сирин* или Сирянин, была писана на пергаменте слугою Донского, дьяконом Алексеем Владычкою (1377). Последняя отрасль этого Владычки, Иван Степанович Владычкин, ещё недавно жил в Переславском уезде. Его супруга Мавра была одной из любимых колыбельниц (помощниц при кормилице) царственного младенца Павла, впоследствии Государя Императора Всероссийского. Монарх, вскоре по приятии прародительского престола, вспомнил свою, любимую им в детстве, прислужницу Мавру, повелел отыскать её и вознаградил царски!

Андрей Серкисович, храбрый воевода Переславльский, на главной градской площади вызывал усердных сынов России, и с ними следуя за Донским, как и многие из бояр переславльских, сам пал на поле Куликове... Евдокия, отпуская на брань воинов, умоляла их быть твёрдыми щитами отечеству и беречь своего Государя-друга».

«Кажется, я вижу ещё благословляющую руку её, простёртую, как пророчество, в знак победы, долженствующей увенчать храбрых! — сказал мой восторженный спутник. — Но где же был её высокий терем?»

В самый день Покрова Пресвятыя Богородицы Василий Тёмный, увлечённый в плен из-под Суздаля татарами, в самый день Покрова был освобождён и приведён в Переславль. У въезда в город встретили Василия мать, супруга, сыновья, народ. Это было, как говорит предание, на Владимирской дороге. Священное место! Но в следующем 1446 году здесь уже свой брат, князь Русский (Дмитрий Шемяка) при тех же самых родных, которые радовались за год перед тем счастливому возвращению Василия, лишил его тирански зрения! Варварство, о котором наша История вспоминает со стыдом! Жена Василия, если верить народному преданию, сама была приведена к осуждённому на страдание и сама видела, как ему выкалывали глаза.

Благочестивый епископ Рязанский Иона, о котором так мало говорят Казанские летописи, как Златоуст своего времени, явился в Переславль, и соединясь речью с умным боярином Кутузовым (Василием Фёдоровичем), убил стыдом Шемяку-варвара и освободил слепого Василия, бывшего в заточении. Но здесь многие пострадали. Великий Князь Иван

¹Явная ошибка автора: не Андрея, а Дмитрия. — *Ред.*

Васильевич III в Переславльских темницах содержал Углицких князей Иоанна и Дмитрия. Сии несчастные, подозреваемые в каком-то заговоре (вероятно, вымышленном людьми злонамеренными), неожиданно были схвачены в Угличе и невзирая ни на сан, ни на юность и красоту, были мучимы как подлые преступники и ввергнуты в смрадную темницу. Их отец, князь Андрей, был брат Иоанну; но это-то самое и мешало тирану в требованиях и происках его на Углич.

1468 год ознаменован в Переславле торжеством великим: чрезвычайный и полномочный посол польский Ян или Иван Писарь (Писарев) прибыл сюда для утверждения союза и доброго согласия с Иоанном III, умом и силою становившемся уже для врагов наших страшным.

«Перестань быть отголоском известного для всех! — вскричал С—в, укладывая свою дорожную сумку, как самый обыкновенный путешественник, — говори ясно, верно, но без распространений. Скажи, что здесь отдыхал Годунов со всем своим семейством на возвратном пути из Калязина, и здесь же лютый Отрепьев, истребляя весь род Годуновых, тирански задавил самого невинного из всей этой фамилии, доброго, благородного Семёна Годунова. Ужаснейший поступок был совершён всеми переславцами при Воре-Тушинском (Лжедмитрии II): заблуждённые фанатики присоединились к злодею и с ним вместе первые пошли на грабёж в Ростов, расхищали церковное богатство, не щадили даже святых мощей, ругались над царственным старцем, митрополитом Филаретом Никитичем!..»

«Довольно! — прервал я С—ва. — Довольно! я не люблю повторять постыдного. Буйство людей, необузданных, безнравственных, бесхарактерных менее или более принадлежит каждому веку. Обратимся опять к памятникам славы нашей, к воспоминаниям всегда сладостным для сердца истинно русского! Благодетельная, добрая и мудрая родительница Петра великого, Наталия Кирилловна, его сестра, сам великий любили Переславль и жилали здесь не маловременно. Незабвенный Лефортов, как говорит один из описателей Переславля, незабвенный Лефортов, подавший царю способ к построению первенца из Российских флотов, здесь был пожалован Генерал-адмиралом всего российского флота и в тот же день, то есть 1691 года мая 1 дня, учреждён самим основателем российских флотов крестный ход на Клешино озеро. Там, на берегу, во время сего торжества, стоял Патрик Гордон с пехотою и производил стрельбою беглый огонь».

«В Переславле наши исторические рассказы будут бесконечны!» — воскликнул мой товарищ и пошёл отыскивать тайник на Трубеже. В древности без тайников едва ли дозволялось крепость считать крепостью...¹

«Но не забудь о переславльских сельдях: мы, кажется, об них ещё не сказали ничего исторического; зато пара или две этих сельдей, провесных или копчёных, весьма легко и весьма вкусно составят самую лучшую черту в истории наших дорожных полдников и завтраков».

Часть 19, продолжение (№ 17, с. 173—182)

От Переславля по правой стороне, есть небольшое селение, известное под именем Святых отцов.

«Почему бы так называлось оно?» — спросил С—в, но предание на этот раз было для нас безответным.

Подходя к Никитскому монастырю, мы всё ещё оборачивались назад к городу, посматривали назад на озеро и толковали о Шестом воскресенье, празднике Переславльском, который потерял своё начало в глубокой древности, но торжественно возобновлён императором Петром Великим. Вот как это было: корабельный мастер Бормстейбрант уведомил государя, что два фрегата и три яхты, деланные им, Бормстейбрантом, по его государя повелению в Переславле, уже готовы. «Еду смотреть», — сказал император, только что ещё возвратившийся из Переславля в Москву, вместе с матерью царицей Натальей Кирилловной и сестрой Наталией Алексеевной, 1692 года. Он опять поехал в Переславль. Это было для

¹При одном из сих тайников был заточен князь Псковский Ярослав Владимирович, сотоварищами его бедствий были пленные новгородцы. — *Книга*.

него время свободное; ибо до 1695 года, до самой осады Азова и до настоящего устройства Российского флота, государь не имел для себя забот внешних.

1-го мая, что случилось в 6-е воскресенье после Пасхи — великий монарх с душевным удовольствием располагал управлением своего маленького флота, катал по озеру царственную сестру свою и многих именитых жён и дочерей, бывших в то время в Переславле. Некоторые из сих последних боялись воды и, кажется, прогуливались только из одного угождения Государю. Великая княжна тотчас заметила это и смело говорила своим подругам: «Чего бояться? Корабли царские будут грозны чужим, а мы свои люди: они нас не потопят!» Так рассказывают нам по преданию — и предсказание Наталии исполнилось: российский флот, польза для своих, сильная гроза чужим.

Во время водоосвящения и погружения креста в озеро Государь сам изволил стрелять из пушек, а после совершения духовных обрядов благоволил указать в сей день быть ежегодно из всех монастырей, соборных и приходских церквей крестному ходу и водоосвящению: это и поныне продолжается, в наше время день 6-го воскресенья встречают продолжительным колокольным звоном — всеобщим призывом к торжественному водоосвящению. К последнему приступают в таком порядке: в 8 часов утра всё переславльское духовенство, собравшись в бывший градской Собор, отправляется на реку Трубеж, где севши в лодки, приплывают к набережной Четырехдесятской церкви. Здесь, по совершении божественной литургии, плывут прежним порядком в лодках, но уже в полном священном облачении, с иконами и при пении молебна. Таким образом они достигают середины озера судах на 12 и более. Граф Д. И. Хвостов рассказывает, что в сие время Градской Голова, Магистрат, Судьи, чиновники, дворяне, старики, женщины, дети, все с весёлым духом и в богатых платьях также плывут по озеру. Множество пылающих свеч, благовоние кадил, изливающееся в воздухе на занимаемом пространстве при ясном времени, в весеннюю погоду, бесчисленность судов, разнообразие лиц, одежды, возраста и пола, производят над чувствами зрителя очаровательное действие.

Крестный ход, по окончании водоосвящения отплывая чрез реку Трубеж, возвращается в Собор, а Глава Рыбацкий и все рыбаки просят архимандрита с духовенством, дворян или чиновников посетить их рыбацкую Приказную горницу, где и угощают своих посетителей разнородной копчёной рыбой. Переславльские сельди известны во всей России и даже в Европе. Иностранец Эрмсон, будучи в числе пленных наполеонистов, проходя через Переславль, отведал сельдей переславльских и заметил (в изданных им записках), что если бы эти сельди готовились по-голландски — ибо Эрмсон — голландец, — тогда бы они вкусом своим могли превзойти даже и голландские сельди. «В морских сельдях, — присовокупляет он, — нет той приятности, которою при лучшем приготовлении должны бы отличаться сии озёрные; а в случае избытка сих сельдей в России, кажется, могли бы мы менять с радостью на свои. Тогда бы лондонцы и парижане непременно требовали сельдей Переславльских».

Никитский монастырь, так называемый от Соборной огромной церкви во имя великомученика Никиты, построен в глубокой древности и едва ли он не современен самому городу, по отношению его к эпохе христианства. Красивое же местоположение сего монастыря напоминает нам о первом городище Переславльском, которого, как заметил Ходаковский, не должно искать на нынешнем его месте низменном: славяне любили места сторожевые.

В монастыре под спудом, но в богатой серебряной раке опочивают мощи преподобного Никиты Столпника. Великий князь Дмитрий Донской особенно усердствовал сему монастырю; а в сём усердии последовали Донскому цари: Иоанн Васильевич и Алексей Михайлович.

Святой Никита спасался в оном монастыре безвыходно на столбе, едва ли удобном и повернуться на ту или другую сторону. Святое, небесное терпение! Всем укажут и столп, и тяжкие железные вериги, носимые для усмирения страстей житейских праведным, бывшим некогда именитым сановником российским!

Далее говорится о путешествии до Ростова и пребывании там. — Ред.

Часть 20 (№ 21, с. 90—91)

Болезнь моего С—ва продолжается. Наша коляска, выехавшая после нас недели через две, нашла нас в Ростове и очень кстати — для того, чтоб нам возвратиться назад. Другие пешеходства могут сбыться после.

Я теперь пишу свой Журнал в *Веськове*, подле озера, на славном мысе Гремяч, в небольшом, но священном здании, хранящем в себе остатки ботика, Указ и некоторые плотнические инструменты великого строителя.

Указ писан собственной рукой государя Петра I и заключает в себе следующее:

Воеводам Переславским. Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрёгших сей указ. Пётр, в Переславле, в 7 день февраля 1722 года.

Предметный указатель

Арзамас город	6	Парша река	4
Берендеево городище	9	Переяславль Малороссийский	9
Берендеево озеро	4, 9	Переяславль Рязанский	9
Венеция	10	Плещеево озеро	8
Веськово село	14	Савинский монастырь	8
Владимирславль село	4	Санкт-Петербург город	7
Выползова Слободка село	5	Святые отцы селение	12
Глебовское село	3, 6	Суздаль город	11
Гремяч гора	14	Трубеш река	8, 12, 13
Калязин город	12	Углич город	12
Кижилы	4	указ воеводам переславским	14
Клещино озеро	8, 9	церковь	
Кубря река	4, 5	Казанской божьей матери	5
монастырь		Сорока мучеников	13
Никитский	8, 13	шестое воскресенье	12, 13
Савинский	8	Щелканка деревня	7
монголы	10	Яхрома река	5
Никитский монастырь	8, 13	Яхромская гора	5
Новое село	4		

Именной указатель

Алексей Михайлович царь	10	Макаров Н. П.	9
Андрей епископ	11	Михаил Тверской князь	11
Андрей Полоцкий князь	11	Никита святой	13
Андрей Серкисович	11	Охлёстышевой М. П.	5
Афанасий епископ	11	Пётр митрополит	11
Барыков	7	Павел I царь	6
Борис Годунов царь	12	Патрик Гордон	12
Василий Тёмный великий князь	11	Писарев И.	12
Владычка А.	11	Платон митрополит	6
Владычкин И. С.	11	Понизовкин В.	6
Волков А. С.	6	Пронский К. В.	7
Годунов С.	12	Редриков	4
Голицын В. А.	4	Селиванов А. А.	9
Дмитрий Донской князь	10, 11	Сергий святой	11
Дмитрий Углицкий князь	12	Спиридов Г. А.	8
Дмитрий Шемяка князь	11	Суворов А. В.	6
Екатерина I царица	5	Фёдор Ростиславович князь	11
Иван III великий князь	12	Филарет митрополит	12
Иоанн Углицкий князь	12	Хвостов Д. И.	5, 6, 9, 13
Иона епископ	11	Ходаковский	4, 13
Каблуков	7	Чемоданов И. И.	10
Кейстут Ольгердович князь	11	Эрмсон	13
Кутузов В. Ф.	11	Юрий Долгорукий князь	9
Лаврентий архимандрит	8	Ярослав Псковский князь	12
Лефорт	12		
Макаров А. В.	7		
Макаров М. Н.	3		

Оглавление

От редакции	3
Журнал пешеходцев	4
Часть 17 (№ 5, с. 251—254)	4
Часть 18 (№ 8, с. 79—89)	5
Часть 19 (№ 13, с. 11—18)	8
Часть 19, продолжение (№ 14, с. 56—65)	10
Часть 19, продолжение (№ 17, с. 173—182)	12
Часть 20 (№ 21, с. 90—91)	14
Предметный указатель	15
Именной указатель	16